

Нин Янсу была самой простой, но при этом величественно красивой женщиной, которую Лэ Юй когда-либо видел. В тот день, когда он вошёл в Дворец Великолепного Нефрита, построенный императором У специально для неё, чтобы подчеркнуть её значимость, он был поражён её скромностью. Дворец был великолепен: высокие башни, соединённые садами, наполненными редкими сокровищами. Служанки, сновавшие повсюду, были ярко и нарядно одеты, но сама Нин Янсу стояла одна у беседки, без единого украшения в волосах. Ей было чуть за тридцать, она сидела у водяного колеса, рядом с которым веял прохладный ветерок, приносящий аромат белых цветов жасмина. На её висках уже виднелось несколько седых прядей, но когда она повернулась, её взгляд, полный достоинства, и её величественная осанка были поистине безупречны.

Ещё до встречи с ней он уже испытывал к ней глубокое уважение. Узнав, что её несправедливо обиженный брат всё ещё живёт спокойно, он подумал: «Если она действительно, как говорят, страдает от депрессии, то я отправлюсь в область Циньчжоу и отомщу за неё, отрубив голову её брату». Однако, встретив её лично, он понял, насколько поверхностны были его суждения. Она, проведшая годы в заточении, была подобна горе или морю.

Люди могут быть сломлены бурями, дождями, льдом и снегом, но горы и моря в этом мире никогда не будут поколеблены временными испытаниями. В ней не было ни капли горечи или злобы. Увидев его, колеблющегося на пороге зала, ещё молодого, но уже высокого, как она сама, она с улыбкой сказала:

— Сын моего старого друга, ты уже так вырос.

Затем спросила:

— Как поживает твоя мать?

Лэ Юй ответил:

— Мать в затворничестве.

Несколько гроссмейстеров, достигших уровня небожителей, часто уходят в затворничество на годы. Нин Янсу вздохнула:

— Жаль. Одно из моих больших сожалений — что мне не довелось увидеть меч твоей матери, который покорила весь мир.

Лэ Юй был потрясён её спокойствием, скрывавшим годы унижений и заточения, и с почтением протянул ей свой меч Цици. Она вынула меч, осмотрела его и улыбнулась. В тот момент, когда она держала его в руке, её величественная красота напомнила Лэ Юю о тех временах, когда она защищала Циньчжоу и была грозной фигурой на политической арене.

Лэ Юй сказал:

— Я тогда сказал, что давно слышал о чае из Восточного У, и у генерала Нин как раз была коробка чайной пасты. Я решил приготовить чай перед ней. Если бы я не услышал её наставлений за тем столом, то после того, как моё мастерство владения мечом только начало

развиваться, я бы, вероятно, не выдержал и заперся бы на несколько лет, не в силах справиться с внутренним беспокойством, и, возможно, даже попытался бы покончить с собой.

Нин Янсу сначала подумала, что заставить его приготовить чай было недостойно будущего правителя острова Пэнлай, но он честно признался:

— Увидев генерала, я не мог не сидеть с прямой спиной. Быть в роли племянника и служить вам чаем — какая честь!

Нин Янсу рассмеялась:

— Заставить будущего гроссмейстера приготовить мне чай — это тоже большая честь.

Осмотрев меч, Лэ Юй, чтобы её порадовать, встал и продемонстрировал несколько приёмов. На прощание она с почтением вернула ему меч и серьёзно сказала:

— Ты обязательно достигнешь уровня гроссмейстера. Я знаю, что ты, как и твоя мать, человек, стоящий выше мирских дел. Если ты станешь гроссмейстером, ты не будешь принадлежать ни одной стране или роду. Но если сможешь, пожалуйста, всегда помни о простых людях.

Она никогда не подводила народ, но в итоге оказалась в заточении. После осады Циньчжоу она могла бы отказаться от замужества, а после попадания во дворец У — сбежать, но она сдержала своё слово, не отступив от него. Западное Юэ и Восточное У могли быть нечестными, но она всегда оставалась верной своим принципам.

Раньше Лэ Юй не понимал, почему она просила его думать о простых людях. Только во время своего затворничества, когда он достиг уровня младшего гроссмейстера, он словно поднялся на высокую башню и увидел вдали одинокую вершину. До того, как он достиг этого уровня, слово «гроссмейстер» не вызывало у него особых эмоций. Но, приблизившись к нему, он осознал, насколько это высоко и недостижимо. Это было как подняться на вершину и увидеть ещё более высокую гору.

От своей матери он узнал, что гроссмейстеры непобедимы, неуязвимы и недостижимы для обычных людей. Гроссмейстеры четырёх стран связаны Договором гроссмейстеров и не могут участвовать в войнах. Но гроссмейстеры рода Лэ — единственные, кто не принадлежит ни одной стране или правителю и не связан этим договором. Если бы он стал гроссмейстером, никто не смог бы остановить его, если бы он захотел изменить мир.

На закате Лэ Юй попрощался, и Сяо Шанли поспешил встать, сказав:

— Я провожу вас.

Лэ Юй с удивлением наблюдал, как тот почти бежал вперёд, словно пытаясь его выпроводить. Он усмехнулся, а Гу Хуань с досадой сказала:

— Я же говорила, что он на самом деле уважает вас. Не надо его дразнить.

Весь путь они шли молча. Лэ Юй ждал, когда Сяо Шанли заговорит. Вдоль галереи росли цветы и деревья, словно занавес, и Сяо Шанли, красивая фигура, шёл среди них. В конце пути он обернулся и сказал:

— Почему вы пришли сюда... ждать меня?

Его взгляд, полный недоумения, вызвал у Лэ Юя улыбку:

— А ты как думаешь?

Сяо Шанли слегка вздрогнул:

— Разве мои слова что-то значат?

Лэ Юй, привлечённый его красотой, подошёл ближе:

— Слова вашего высочества значат всё.

Сяо Шанли невольно выпалил:

— Вы говорите, что я сначала был высокомерен, а потом стал почтителен, но вы сами тоже сначала были холодны, а теперь так любезны.

Его тон звучал как упрёк, и он сразу пожалел о своих словах. Лэ Юй уже ответил:

— Конечно. Ведь ваше высочество — красавчик.

Он пристально посмотрел на него, и Сяо Шанли, смущённый, не знал, что делать. Внезапно несколько служанок вскрикнули, и Лэ Юй нежно коснулся его щеки, затем перепрыгнул через перила и исчез за стеной.

Хотя уже был апрель, ночи всё ещё были прохладными. Весенний дождь шёл несколько дней, но сегодня весь день светило солнце, и небо было чистым. Вечерние лучи солнца озаряли пагоды и башни города.

Зал Зелёного Бамбука был окружён зелёной тенью, и здесь царил тишина. Лэ Юй, чувствуя себя расслабленно, спросил:

— Есть вино?

Инь Усяо сразу нахмурился:

— Ты выпил всё моё лекарственное вино, теперь его нет. Да и хорошего чая тоже нет! Придётся обойтись водой.

Лэ Юй послал мальчика-слугу из Зала Зелёного Бамбука за вином, и они сели, поправляя свечи.

Полусонный, Лэ Юй вдруг услышал шаги на улице. Инь Усяо, услышав его слова «Кто-то там», вздрогнул и с облегчением сказал:

— Наверное, это мальчик с вином вернулся.

Лэ Юй прислушался и сказал:

— Не один. Они окружили твою клинику.

С этими словами он достал из-за пазухи складной веер и схватил Инь Усяо, подняв его в воздух. Внезапность застала Инь Усяо врасплох, и он всё ещё держал в руке чашу с лекарством, когда его подняли с земли.

Свист стрел заполнил воздух. Сотни стрел пронзили окна, и около трети из них были зажжены. Внутри помещения вспыхнул огонь, ослепляя всех. Инь Усяо вскрикнул.

Лэ Юй посадил его на крышу и, оглядев вниз пятерых людей, перелезающих через стену, сказал:

— Жди здесь!

Затем он бесшумно спрыгнул вниз, быстрый как молния. В бамбуковой роще его веер мелькнул, и листья разлетелись в стороны. Первый нападавший даже не успел разглядеть оружие, как его горло было перерезано, и он рухнул на землю.

Инь Усяо лежал на крыше, наблюдая, как огонь пожирает здание. Зал Зелёного Бамбука был не на реке, и здесь не было места для разрушительных боёв. Лэ Юй, держащий веер, не избежал брызг крови. В мгновение ока он перерезал горло трём людям. Когда издали бросился ещё один, он бросил веер, который пронзил грудь нападавшего, и сильный ветер срубил толстые бамбуковые стволы.

Листья бамбука разлетелись, и высокие ветви упали, издавая стон, словно бамбуковая роща страдала. Лэ Юй остался без оружия, и кто-то попытался напасть на него сзади. Он поднял брови, развернулся и голой рукой сломал шею нападавшему, чьё горло было скрыто чёрной тканью. На его шее остался яркий след от пальцев.

За Инь Усяо стоял человек в чёрном с холодным взглядом. Он, однако, оставался спокоен, и на его лице появилась тревога. Он тихо спросил на языке Северной Хань:

— Вы из Зала Заточки Мечей?

Человек в чёрном не ответил, но шагнул вперёд. Инь Усяо отступил к краю крыши, где любое

движение могло сбросить черепицу в огонь. Внезапно веер пронзил плечо первого человека в чёрном и, вылетев из его груди, ударил в следующего. Оба упали в огонь.

Лэ Юй отвёз Инь Усяо в Двор Весенних Ароматов и показал Гу Хуань знак Зала Заточки Мечей. Гу Хуань, подумав, прямо спросила:

— Оставив его у меня, ты ему доверяешь или нет?

<http://bllate.org/book/15272/1348066>